

Пролог

Аутсайдер

Есть некая ирония в том, что Хорхе Луис Борхес (1899–1986 гг.), всю жизнь питавший склонность к *orillas*¹, граням и пограничьям, сегодня считается символом и одним из главных выразителей западной цивилизации, а его творческое воображение, поначалу вдохновлявшееся парадом отщепенцев на улицах далёкого Буэнос-Айреса первой половины XX века, стало незаменимым компонентом для понимания постмодерна.

В испанской речи часто употребляется английское слово «аутсайдер» (*outsider*) с особой коннотацией: одиночка, ренегат, иконоборец. Однако в своей лекции «Аргентинский писатель и традиция», прочитанной в 1951 году в Буэнос-Айресе, Борхес, говоря о евреях как о новаторах, этим словом не пользуется. Их способность «вносить новое в культуру Запада» он объясняет тем, что они «не связаны с ней каким-то особым чувством принадлежности», будучи одновременно инсайдерами, находящимися внутри данной культуры, и сторонними наблюдателями. То же самое можно сказать о нём самом, причём не только по отношению к Аргентине, но и в целом: выражаясь словами Спинозы, он смотрит на вещи *sub specie aeternitatis*², как бы со стороны.

Ещё один иронический парадокс: сочинения Борхеса довольно короткие, но породили вокруг себя Эвересты томов. Этот парадокс я наглядно вижу в собственной библиотеке, где сборники рассказов,

¹ Берега; края (исп.). — Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

² С точки зрения вечности (лат.).

эссе, стихов и статей о литературе, принадлежащих перу Борхеса, — капля в море в сравнении с множеством посвящённых им разборов и интерпретаций. (Немалую часть моей библиотеки составляют также переводы произведений Борхеса на всевозможные языки.) Зачем же добавлять к этому многопудью ещё один том?

Отвечу: в книге «Борхес-еврей» освещается весьма близкий мне момент — его неустанное стремление (не путать с завистью) присвоить и сделать частью собственной личности те черты еврейства, которые он обнаруживал в книгах, в трудах своего кумира Баруха Спинозы, в общем отношении к Богу, жизни и мысли — почтительном и одновременно бунтарском. Как признавал сам Борхес, в его жилах не текло ни капли еврейской крови: как бы отчаянно он ни старался обнаружить в своей родословной хоть одного еврея, в ней таковых не оказалось. Тогда он просто вообразил себя евреем.

Таким образом, эта книга — возврат долга, поскольку, будучи евреем и латиноамериканцем, я благодаря Борхесу методом проб и ошибок научился правильно оценивать границы и грани собственной личности.

Впервые я прочитал его на испанском в возрасте двадцати с небольшим лет в родной Мексике, после долгого пребывания вдали от дома, и с тех пор продолжал читать не останавливаясь. Точнее, уже не читать, а перечитывать, даже заучивать наизусть. На сегодняшний день (а мне перевалило за пятьдесят) Борхес — мой компас. Я смотрю на мир его глазами. В этой небольшой книге я размышляю об интересе к еврейским мотивам, проявившемся в его жизни и творчестве, и предлагаю подробное, можно сказать, талмудическое истолкование некоторых знаковых фраз, персонажей и сюжетных линий. Сам я понял, что значит быть евреем, благодаря его размышлениям о времени, снах, двойничестве и языке.

Я не просто понял традицию, к которой принадлежу: от Библии до Кафки, от Каббалы и Ш. Й. Агнона до появления государства Израиль. Я в итоге сформировал для себя личное представление о божественном. И это представление без всяких оговорок означает позицию аутсайдера.

Мне нравится быть чужим.

По сути, я хочу объяснить, как, вопреки всему, Борхес сумел преобразить себя, чтобы стать *in judío honorario* — почётным евреем. Таким образом, мой анализ будет носить одновременно личный и исторический характер. Мне не хватает ни интереса, ни терпения, чтобы заниматься отвлечённой наукой; сокровенное значение для меня имеют движения сердца и ума. Мой главный тезис состоит в том, что для Борхеса еврейство было ключом к вратам мира, обеспечивающим вход и выход; оно было его способом чтения, а точнее сказать, неустанным стремлением переводить написанное другими народами так, чтобы чувствовать себя в этих литературах как дома. Борхес-еврей — это также Борхес-переводчик.

Насколько я понимаю, изложение, чтобы быть убедительным, не обязательно должно выстраиваться линейно. Читатель без труда заметит, что моя книга нарочито фрагментарна. «Борхес-еврей» содержит биографические фрагменты, имеющие линейную структуру и повествующие об интеллектуальной одиссее Борхеса; в других разделах я, возможно чересчур резко, меняю направление, чтобы подчеркнуть свой интерес к конкретному стихотворению Борхеса, переводу (скажем, «Диких пальм» У. Фолкнера) или к *una afinidad*³ — какому-либо родственному явлению. Мне никогда не нравились книги, оправдывающие ожидания читателя; напротив, меня увлекают те, что ожидания обманывают и учат всё время ожидать неожиданного.

В первой главе рассказывается о том, как Борхес искал еврейских предков в своём генеалогическом древе. Во второй — описана его реакция на нацизм и Холокост, а также на создание государства Израиль. В третьей главе я выявляю еврейские мотивы в его творчестве. Эти разделы позволяют погрузиться в историческую канву его жизни.

Следующие три главы, написанные, как предупреждалось, в совершенно ином ключе (менее выпретенном и более личном), содержат общий лейтмотив: язык. Четвёртая глава посвящена

³ Сходство; сродство (*исп.*).

размышлениям о Борхесе как о переводчике и о переводе как любимом занятии евреев — или, иными словами, о переводе как *raison d'être*, смысле существования евреев. Этот тезис требует пояснения. С 70 года н. э., когда был разрушен Второй Иерусалимский храм, до 1948-го, когда было создано государство Израиль, существование евреев в диаспоре было — да и остаётся — чем-то временным. Его определяющая черта — чувство бездомности. Оторванные от родной почвы, постоянно находящиеся на положении гостей, евреи углубились в Книгу (будь то Тора, Талмуд, Мишна либо Гемара, общая совокупность текстов), ставшую для них подобием передвижной родины. Слова, предложения, абзацы, страницы, создаваемые в них миры, порождаемые ими толкования — всё это оправдывает существование евреев.

В пятой главе я отдельно рассматриваю субтитры к фильмам как форму надувательства и задаюсь вопросом о том, понимают ли друг друга призраки. Борхес любил истории о призраках («Обезьянья лапка» У. У. Джекобса была одной из его любимых). Я тешусь уверенностью, что Борхес считал себя призраком. Собственно, как и любой еврей диаспоры. Так или иначе, в заключительной «Коде» я сравниваю между собой несколько английских переводов рассказа «Борхес и я» (*Borges y yo*) и завершаю книгу рассуждением о своём долге перед Борхесом как моим персональным Вергилием.

Вместе последние три главы представляют собой нечто вроде альтернативного путеводителя. Они не содержат хронологически выстроенного анализа жизни и творчества Борхеса; напротив, в них я рассматриваю и даже оспариваю утверждение, будто еврей якобы «обитает» в тексте. Собственно, эти три главы послужили для меня способом встроить Борхеса в моё собственное мировоззрение (*Weltanschauung*), которое я выстроил в ответ — и даже в пику — самому себе как пожизненному читателю его сочинений. Поистине, Борхес — это мой дом.

Действительно ли характер — это судьба? Борхес не поддерживал этой древнегреческой максимы, служившей основой целым трагедиям. Его характер не был бунтарским; напротив, он подходил к миру рационально, если не сказать с осторожностью. Жизнь,

по его мнению, была цепью случайностей. В эссе «Отголоски одного имени» (1955 г.) он приводит цитату из книги М. Бубера «Проблема человека» (1948 г.): «мы входим в диковинный чертог духа, но чувствуем себя так, будто пол, по которому ступаем, на самом деле — игральная доска, а правила игры мы узнаём лишь по мере нашего продвижения вперёд» [Бубер 1995: 177].

Не знаю, существует ли особый еврейский подход к жизни, но мне кажется, что если он и есть, то это игра с таинственным, не от мира сего, противником — самим собой.

Глава I

Yo, judío

Если я не одна из Твоих ошибок или повторов...
«Тайное чудо» (1943)¹

Всю жизнь Борхеса мучило необъяснимое чувство собственной неполноценности. Он считал, что недостойн дружбы, любви и общественного внимания. Чем больше был успех, тем больше смущали громкие похвалы. Он всё ждал, когда же люди наконец поймут, как сильно они заблуждаются по поводу его гениальности. С одной стороны, это можно объяснить избытком скромности, с другой, очень уж похоже на черту, часто приписываемую евреям, — склонность к самоуничижению.

Борхес не был аристократом, хотя вёл себя именно так. И хотя его генеалогическая связь с аргентинскими *soldados*² по материнской линии была весьма отдалённой, дифирамбы, которые он расточал их адрес, исполнены зависти. Попросту говоря, Борхес отреставрировал своё генеалогическое древо, придав ему больше благородства, чем было в действительности — или, может быть, привёл его в соответствие с духом его жизни, в которой присутствовало слишком много книг и слишком мало приключений. Излишне говорить, что подобное приукрашивание собственной родословной, эта самофальсификация — общая черта испаноязычного мира, где *las apariencias engañan*³ — всё не то, чем кажется.

¹ [Борхес 2005, 2: 182]. Пер. В. Кулагиной-Ярцевой.

² Солдаты, воины (*исп.*). Среди предков матери Борхеса были участники аргентинских войн за независимость.

³ Внешность обманчива (*исп.*).

«Я уже говорил, что большую часть своего детства я провёл в домашней обстановке», — писал он в «Автобиографических заметках», опубликованных в *New Yorker* 19 сентября 1970 года:

У моей сестры и у меня не было друзей, и я придумал нам двух воображаемых товарищей — Килоса и Ветряка. (Когда они в конце концов нам надоели, мы сказали матери, что они умерли.) Я всегда был очень близорук, носил очки и отличался слабым здоровьем [Борхес 2005, 3: 559]⁴.

Один из дедов Борхеса, Франсиско Борхес Лафинур, участвовал в битве при Касеросе против диктатора Хуана Мануэля де Росаса, а погиб в сражении при Ла-Верде в ходе неудавшегося вооружённого восстания генерала Бартоломе Митре против Доминго Фаустино Сармьенто. Он был убит двумя пулями, выпущенными из винтовки Ремингтона, — первый случай применения этого оружия в Аргентине. По обеим линиям у Борхеса были предки-военные, сыгравшие важную роль в становлении Аргентинской Республики; «отсюда, возможно, моя тяга к судьбе эпических героев, в которой мои боги мне отказали, и, без сомнения, весьма мудро» [Там же: 557], как он писал в «Автобиографических заметках». Эти строки свидетельствуют о чувстве неполноценности. Они ясно показывают, что он видел себя не таким, *каким должен быть*, и использовал литературу, чтобы устранить это несоответствие — стать воином, которым никогда не смог бы стать в реальности.

Бабушка Борхеса по отцовской линии, Фанни Хейзлем, была англичанкой из семьи квакеров и, что важнее, большой любительницей чтения. По-испански она говорила «свободно, но не очень правильно» [Там же], зато её английская речь завораживала своим изяществом. Именно на английском писали её любимые авторы: А. Беннет, Голсуорси, Диккенс и Теккерей; к красотам этого языка она приобщила и внука. Во многом благодаря ей Борхес вырос, по сути, двуязычным: английский и испанский были ему одинаково родными. Львиную долю книг в детстве он прочёл на языке Шекспира, включая «Дон Кихота», который при

⁴ Пер. Е. Лысенко.

чтении в оригинале много лет спустя, звучал для него «как плохой перевод» [Там же: 560].

Но вернёмся к чувству собственной неполноценности. Ощущение Борхеса, будто у него есть замаскированная личность, связано с его филосемитизмом, любовью к евреям. В его родословной нет семитских корней. Но ему очень хотелось, чтобы они были. В стихотворении 1967 года, посвящённом победоносной Шестидневной войне, в которой израильтяне сумели отстоять свою страну под натиском враждебного арабского мира, он задаётся вопросом, не мог ли Израиль хотя бы символически «затеряться» в его крови. Всю жизнь он искал у себя хотя бы следы еврейской крови. Это отчётливо видно в коротком эссе под названием «Я еврей», крайне ценном для понимания интереса Борхеса ко всему еврейскому. На протяжении многих лет этот интерес, в разных проявлениях и с разной степенью успеха, изучали такие исследователи, как Э. Айзенберг, С. Сосновски и Х. Алазраки. Вот как начинается эссе:

Как друзья и луна, как смерть и прошлая неделя, далёкое прошлое — из тех вещей, глубина которых измеряется нашим незнанием. Его мягкость и предупредительность не знают границ; оно, в отличие от будущего, всегда готово к услугам, а хлопот сулит куда меньше. Понятно, что прошлое — заповедник любых мифологий [Борхес 2005, 1: 493]⁵.

Эссе «Я еврей» было опубликовано в апрельском номере буэнос-айресского журнала *Megáfono* в 1934 году. (Может быть, заглавие следует переводить как «Я-еврей»?) Это одно из наименее известных эссе Борхеса: автор счёл его слишком для себя нехарактерным, чтобы включить в книгу «Новые расследования» или какой-либо другой сборник. Однако в той или иной форме оно было доступно на испанском, а на английском мелькнуло в американском сборнике «Борхес: книга для чтения», вышедшей в 1981 году в издательстве «E. P. Dutton» под редакцией Э. Родри-

⁵ Пер. Б. Дубина.

геса Монегаля и А. Рида, а также в сборнике «Избранная эссеистика» [Borges 1999a: 110–112].

Далее в эссе Борхес пишет:

Кто хотя бы однажды не забавлялся поисками собственных предков, не воображал себе предысторию родных и близких? Я забавлялся этим неоднократно и всякий раз испытывал удовольствие, представляя себя евреем. Речь всего лишь о выдумке, о мысленном приключении тихони и домоседа, которое ведь не задевает никого и меньше других — репутацию Израиля, поскольку моё иудейство, подобно песням Мендельсона, остаётся музыкой без слов. Тем не менее журнал *Тигель* решил увековечить мою обращённую в прошлое надежду, объявив миру о «коварно скрываемых» мною еврейских корнях (подобное причастие, да ещё вкупе с наречием, не может оставить писателя равнодушным) [Борхес 2005, 1: 493].

Борхес с завидной собранностью, даже с непоколебимой убеждётельностью отреагировал на выдвинутое в 1934 году журналом *Crisol* («Тигель») обвинение в том, что он на самом деле еврей. Инсинуация исходила от антисемитского крыла аргентинской интеллигенции и имела целью дискредитировать Борхеса в глазах публики. Он, в свою очередь, воспринял это обвинение как комплимент.

На момент публикации эссе «Я еврей» Аргентина в силу закономерности, сохранявшейся на протяжении всего столетия, находилась под властью военных. В 1933 году журнал *Megáfono* посвятил целый номер Борхесу, который был представлен как типичный *un raro*, в общих чертах описанный некогда никарагуанским поэтом Рубеном Дарио⁶: уайльдовский денди, европеизированный автор, влюблённый в метафизику и склонный выражаться весьма туманно. На фештирфт *Megáfono* правое националистическое издание

⁶ Здесь: эксцентрик, «белая ворона». Речь идёт о книге эссе и критических статей Р. Дарио *Los Raros* (1905 г.), посвящённых писателям-модернистам,

Crisol, также выходявшее в Буэнос-Айресе, отреагировало нападениями на Борхеса, якобы скрывавшего своё «израильское» происхождение. В эссе «Я еврей», этом смелом и категоричном ответе *Crisol*, написанном размеренной прозой, ставшей впоследствии визитной карточкой писателя, отразилось желание найти недостающее звено в своей родословной, увидеть еврея в зеркале:

Моё полное имя — Борхес Асеведо. В одном из примечаний к главе пятнадцатой своей книги «Росас и его эпоха» Рамос Мехия перечисляет буэнос-айресские семейства того времени, доказывая, что все или почти все они «ведут происхождение от португальских евреев». В списке есть и фамилия Асеведо: таков единственный документ в поддержку моих семитофильских притязаний (точнее, он был единственным до торжественного посвящения на страницах *Crisol*). Тем не менее капитан Онорио Асеведо предался соответствующим разысканиям, о результатах которых мне вряд ли дадут умолчать. Из них следует, что первым из Асеведо на латиноамериканский континент ступил каталонец дон Педро де Асеведо, землевладелец, около 1728 года пустивший корни в Паго-делос-Аройос, отец и дед скотоводов этого края, почётный гражданин, фигурирующий в анналах одного из приходов Санта-Фе и в документах времён вице-королевства, — то бишь предок, увы, из неисправимых испанцев.

Два столетия не смогли придать ему иудейское происхождение, два столетия ничья рука не тревожила его памяти.

Я благодарен журналу *Crisol*, подвигнувшему меня на эти розыски, но теперь у меня ещё меньше надежд включить в свою родословную Жертвенник всесожжения, Медное море, Генриха Гейне, Глейзера и десять праведников, Екклесиаста и Чарли Чаплина [Борхес 2005, 1: 493–494].

Заключительная часть эссе весьма выразительна. В ней Борхес решительно, раз и навсегда присягает на верность. В Аргентине антисемитизм существовал со второй половины XIX века, с тех пор как в страну начали прибывать говорящие на идише бедняки-иммигранты из Восточной Европы. Зачастую их встречали враждебно, вплоть до волнений исторического масштаба, таких как

«Трагическая неделя» (*Semana Trágica*) 1919 года — массовые выступления рабочих, и направленные в первую очередь против евреев, — а также террористический акт в буэнос-айресском еврейском общинном центре 18 июля 1994 года (об этих событиях я подробнее расскажу ниже). И в такой стране Борхес взял на себя смелость провозгласить свою близость к еврейской общине Буэнос-Айреса.

Говоря языком статистики, евреи весьма немногочисленны. Что бы мы сказали о человеке, в четырёхтысячном году открывшем, что отовсюду окружён выходцами из провинции Сан-Хуан? Наши изобличители упорно ищут чужие корни среди евреев, но никогда — среди финикийцев, нумидийцев, скифов, вавилонян, персов, египтян, гуннов, вандалов, остготов, эфиопов, иллирийцев, пафлагонцев, сарматов, мидийцев, оттоман, берберов, британцев, ливийцев, циклопов и лапифов. Ночи Александрии, Вавилона, Карфагена или Мемфиса никогда не подарят тебе предка: эта способность оставлена лишь племенам смолистого Мёртвого моря [Борхес 2005, 1: 493–494].

В контексте аргентинской литературы и, соответственно, в испаноязычных интеллектуальных кругах Борхес был *rara avis*⁷. Ни один другой автор-нееврей этого региона не трактовал еврейские темы так глубоко и многопланово, как этот аргентинец. Вопрос: почему? Как случилось, что в стране, где на каждого еврея приходится хотя бы один антисемит, в среде, где евреи полтора с лишним века ухитрялись процветать, постоянно сталкиваясь с неприкрытой, неослабевающей антисемитской враждебностью, появилась столь влиятельная и прозорливая личность?

Возможно, ответ в том, что качество проистекает из соперничества. Противостояние придаёт литературе смысл.

Постскриптум: «смолистое» (*bituminoso*) — кто ещё использовал бы это слово в таком контексте?

⁷ Исключение, букв.: «редкая птица» (лат.).

Личный путь Борхеса помогает получить более ясное представление о шатком положении евреев в испаноязычном мире. В Буэнос-Айресе Борхеса привлекала не столько сефардская, сколько ашкеназская культура иммигрантов, говорящих на идише. Это были евреи, появившиеся на берегах Ла-Платы в последние два десятилетия XIX века. Борхес поддерживал тесную связь с горсткой светских, прогрессивных интеллектуалов; в их числе был его наставник Альберто Герчунофф (1884–1950 гг.), считающийся родоначальником еврейской латиноамериканской литературы: его книга «Еврейские гаучо пампасов» была впервые опубликована в 1910 году в рамках празднования столетия независимости Аргентины.

Представления Борхеса о еврействе были более космополитичными, чем те, которыми в то время — и, если уж на то пошло, сегодня — обладали сами евреи, и не только в Аргентине. Свои познания он черпал из книг. Ещё в юности он прочёл Дж. Джойса (чей персонаж Леопольд Блум показался ему символом *el judío errante*⁸, вечного скитальца Агасфера) и Ф. Кафку; произведения последнего настолько вдохновили Борхеса, что он перевёл их на испанский и на протяжении десятилетий был главным пропагандистом Кафки в испаноязычном мире. Роман Г. Майринка «Голем» (1914 г.) на немецком языке также произвёл на него глубокое впечатление. Восхищали его и «Хасидские истории», собранные и творчески переработанные М. Бубером. В разные периоды жизни Борхес даже выказывал желание выучить древнееврейский. (В конце концов он предпочёл другие вышедшие из употребления языки, в частности древнеанглийский.)

Здесь я сделаю небольшой экскурс в историю еврейской литературы Аргентины. На момент смерти Борхеса еврейское население страны насчитывало около 220 тысяч человек. По сравнению с Соединёнными Штатами, Израилем, Францией и бывшим Советским Союзом это число ничтожно мало. Тем не менее

⁸ Вечный жид, букв.: «странствующий еврей» (исп., библи.).

в испаноязычном мире (включая Испанию и страны Карибского бассейна) с населением 450 миллионов это было самое большое и активное еврейское сообщество; оно также было самым многочисленным в Латинской Америке (далее в порядке убывания следуют Бразилия, Мексика и Колумбия).

Ашкеназское население массово прибывало в Латинскую Америку в период примерно между 1880 и 1930 годами, так что к тому времени, когда Борхес достиг совершеннолетия, евреи, в основном бедные и необразованные, стали неотъемлемой частью аргентинского общества. Этой волне иммиграции предшествовала другая: в колониальную эпоху тысячи маранов — евреев, принявших христианство, — и криптоиудеев из Португалии, Нидерландов и Северной Африки перебирались через Атлантику в испаноязычные регионы Америки. Бежали они и из самой Испании, где начиная с XIII века преследования и насильственное обращение в католичество под давлением инквизиции постепенно сделали их жизнь невыносимой; кульминацией этого процесса стал принятый в 1492 году эдикт об изгнании. Но по целому ряду причин к тому моменту, когда маранов и криптоиудеев в Америке почти не осталось, к тем же берегам массово устремились говорившие на идише жители еврейских местечек, причём именно Аргентина как магнитом притягивала к себе крупных филантропов и организации, занимающиеся переселением евреев из Европы.

Французский филантроп барон Морис де Хирш, а также Всемирный еврейский союз (*Alliance Israélite universelle*) вложили огромные средства, чтобы путём создания социалистических сельскохозяйственных коммун превратить пампасы в подходящую среду обитания для евреев, спасающихся от погромов в Польше, Литве и Украине. Поэтому первые иммигранты оседали в сельской местности, где преобладал образ жизни гаучо. Отсюда и взялись предания о еврейских гаучо, возникшие на рубеже XIX–XX веков. Однако жизнь на лоне природы продолжалась одно, от силы два поколения. Вновь прибывшие евреи и их дети массово переезжали в города, особенно в Буэнос-Айрес. К 1930 годам большинство евреев уже не только свободно говорили по-испански, но и активно участвовали в жизни аргентин-

ского общества. Однако антиеврейские настроения, характерные для Латинской Америки со времён испанских конкистадоров и первых католических миссионеров, оставались неистребимыми и по сей день не исчезли полностью.

Я уже упоминал Альберто Герчуноффа. Он считается отцом еврейской литературы Латинской Америки, выдающейся фигурой, чьё творчество служит своеобразным руководством к пониманию перипетий интеллектуальной жизни евреев Аргентины в первой половине XX века. До Герчуноффа еврейскими беженцами сочинялись лишь отдельные очерки, стихи, зарисовки и описания жизни иммигрантов, написанные на русском, польском, иврите, идише, а иногда и на едва освоенном испанском. Он верил, что Аргентина — *país de advenimiento*, страна единения, где евреи в Южном конусе смогут, наконец, жить, не навлекая на себя ненависти. Жизнь и творчество Герчуноффа следует рассматривать в контексте истории еврейской иммиграции в Аргентину.

В 1891 году, когда Герчуноффу⁹ было семь лет, его отец покинул Россию и отправился в пампу; семья последовала за ним. Там единственным занятием для жителей штетлов было землепашество и скотоводство, и уделом их становился тяжкий труд. В автобиографии «Энтре-Риос, моя страна», написанной в 1914 году и опубликованной посмертно в 1950 году, Герчунофф отмечал, что восхищался способностью соплеменников к самой тяжёлой работе. Сначала семья жила в колонии Мойсес-Виль, но, после того как отец был зверски убит гаучо — аргентинским ковбоем, — переехала в колонию Рахиль. Это трагическое событие и последующие приключения Герчуноффа в новом поселении послужили источником вдохновения для его ранних произведений.

Одной из замечательных черт Герчуноффа было многоязычие. В конце концов, именно язык — основное средство, с помощью которого новичок должен адаптироваться в чужой стране. Как правило, в первое десятилетие жизни в Аргентине иммигранты усваивали испанский лишь в объёме, необходимом «для выживания»; Герчунофф же не просто в совершенстве выучил испан-

⁹ Тогда ещё Гершунову.

ский, но к 1910 году, в возрасте 26 лет, своей прозой установил языковой и повествовательный образец. Читая его сегодня, мы обнаруживаем стилистические формы, которые позже были развиты последователями, в том числе Борхесом.

Краткие биографические очерки Герчуноффа о Шолом-Алейхеме, М. де Унамуно, Дж. Джойсе, М. Нордау и И. Л. Переце, появившиеся в газетах и журналах, а также его глубокий и внимательный анализ произведений Г. К. Честертона, Г. Уэллса и Р. Киплинга, оказали влияние на будущие поколения авторов с берегов Ла-Платы. Пусть он и не принадлежал в полной мере к популярному движению модернистов, расцветшему в Латинской Америке на рубеже веков, его ценили многие современники. Кубинский поэт и активист Х. Марти, мексиканский автор сонетов М. Гутьеррес Нахера и другие модернисты мечтали об испаноязычном литературном возрождении. Об этом мечтал и Герчунофф, хотя и не во всём разделял эстетические и политические ценности своих современников.

Его целью было помочь евреям стать аргентинцами, такими же, как все. После того как он умер, успев написать два десятка книг и бесчисленное множество статей, Борхес назвал его «писателем *le mot juste*¹⁰». Следует добавить, что иммигранты редко удостоиваются такой похвалы. Я могу назвать немногих — В. В. Набоков, И. Бродский и Дж. Конрад.

Традиции редко имеют чёткую генеалогию. Ею обладает лишь еврейская литература Латинской Америки благодаря своей короткой истории: по сути, она возникла только в начале XX века — если не принимать во внимание отдельных самовыражений *conversos*¹¹ в колониальный период. Обычно их не учитывают — что неудивительно, так как эти литературные проявления, прячущиеся в тени и скрывающие тайную сущность, не соответствуют еврейской традиции. Кроме того, в результате разных исторических путей возникло искусственное разделение: сефардская и ашке-

¹⁰ Точного слова (*фр.*).

¹¹ В Испании и Португалии обращённые в католицизм евреи, а также их потомки.

назская литературные традиции до недавнего времени не рассматривались как единое целое; в предыдущие эпохи они воспринимались как параллельные линии, которые никогда не пересекались.

Роль Герчуноффа сопоставима с той, которую в Европе сыграл Менделе Мойхер-Сфорим (настоящее имя Шолом-Янкев Абрамович), ставший основоположником литературы на идише. Хотя они жили в разных мирах и говорили на разных языках, оба сумели создать ощущение литературной традиции и преемственности, ранее отсутствовавшее. Шолом Алейхем считал Менделе прародителем литературы на идише, тогда как Герчунофф стал культурным наставником и компасом для еврейских писателей в Аргентине, таких как Херардо Марио Голобофф, Марио Шихман, Алисия Стеймберг и Исидоро Блайстен. Это сравнение может послужить ключом к пониманию языковой реальности, имевшей место в Аргентине: начав писать по-испански, Герчунофф объявил о своей принадлежности к испанской и латиноамериканской литературе. Идиш, язык иммигрантов, отошёл на второй план, после того как Герчунофф начал публиковать свои произведения на испанском, — космополитичном, светском языке общения. Следует также учитывать, что в большинстве своём еврейские писатели, даже если в какой-то степени владели идишем, могли писать на нём только в приблизительной, транслитерированной версии.

Вот почему некоторые авторы, в том числе сам Герчунофф, и такие его последователи, как М. Шихман, использовали транслитерированный идиш только в диалогах. Кроме того, читать на идише сегодня практически некому. Менделе считал языком, уместным для общения со своим народом, идиш; для Герчуноффа таковым стал испанский, превративший «изгнанников» в «нормальных» граждан Аргентины. Каждый из этих двух писателей на свой лад служил выразителем коллективной души.

В юности Герчунофф водил знакомство с Леопольдо Лугонесом: этот аргентинский модернист, демонстрировавший — пусть и не без покровительственного оттенка — проеврейские и проиммигрантские настроения, добился для него публикации в *La Nación*, очень влиятельной буэнос-айресской газеты. Однако мрачные

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru